

ספֿר

Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах "Сэфер"

Межрегиональный Центр преподавания иврита

**Язык иврит:
исследование
и
преподавание**

**Материалы Десятой и Одиннадцатой
Ежегодных международных
междисциплинарных конференций
по иудаике**

Москва 2004

УДК 811.411.16`08(063)
ББК 81.2Ивр.

Издание осуществлено при финансовой поддержке:
Американского Еврейского Объединенного Распределительного
Комитета (ДЖОЙНТ);
Благотворительного Фонда Ханадив

Published with the support of:
the American Jewish Joint Distribution Committee (JDC);
Hanadiv Charitable Foundation (HCF)

Общая редакция
А.А. Крюков, Е.Б. Марьянчик

ISBN 5-98604-006-6

© Центр научных работников и преподавателей
иудаики в вузах "Сэфер", 2004
© Межрегиональный Центр преподавания
иврита, 2004
© Коллектив авторов, 2004

Некоторые аспекты иврит-русского поэтического перевода в свете истории поэзии на иврите

Художественный перевод – всегда личное творчество переводчика, даже своего рода соавторство переводчика и автора оригинального произведения. В наибольшей мере это утверждение справедливо для переводов поэтических, ведь переводчик поставлен в гораздо более жесткие рамки – ему необходимо передать не только смысл произведения. В своей статье "Переводы стихотворные" [2] Николай Гумилев выводит девять принципов-заповедей для переводчика, желающего работать с поэзией. Согласно этим заповедям, при переводе стихов обязательно соблюдать:

- число строк;
- метр и размер;
- чередование рифм;
- характер перенесения предложения из одной строки в другую;
- характер рифм;
- характер словаря;
- тип сравнений;
- особые приемы;
- переходы тона.

Действительно, при переводе стихотворного текста переводчик должен не только передать образы, использованные поэтом, но и воссоздать ритмический рисунок, максимально точно сохранить и передать формальную сторону стихотворения, поскольку именно форма, ограниченная метром, размером, рифмой, позволяет стихотворению быть таковым. Едва ли перевод А. Шлёнским "Евгения Онегина" на иврит стал бы классикой литературы на иврите, если бы переводчик пожертвовал "онегинской строфой". С точки зрения современной науки о переводе, традиция XVIII века, когда превалирующим принципом являлось сохранение духа стихотворения, а форма игнорировалась, считается неприемлемой. Теперь, кратко изложив принимаемую нами известную позицию по поэтическому переводу в общем, перейдем к частному случаю перевода на русский язык ивритской поэзии.

Поэт мыслит образами, которые в разных культурах и в разные времена наполняются разным содержанием. При переводе

очень важно проникнуться культурно-исторической атмосферой, в которой было создано художественное произведение, и стихотворное в особенности.

Рассуждения о поэзии на иврите было бы логично начать с библейского периода, но в связи с тем, что библеистика является отдельной обширной областью науки, мы не станем подробно касаться качественных и количественных исследований библейской поэзии, весьма отличающейся от современных представлений о стихосложении. Отметим лишь основные принципы, соблюдавшиеся в ту эпоху: библейский стих должен был состоять из самостоятельных суждений, призванных уравновешивать друг друга (часто при помощи повторения грамматических и звуковых форм, общей идеи высказывания и т.д.), при этом довольно часто этот эффект достигается через антитезу. Как правило, грамматический конец предложения, включающего эти суждения, совпадает с концом стиха. Ярким примером такого стихосложения в более поздней европейской поэзии может служить шекспировское "to be or not to be", весьма схожее с медитативным Экклезиастом.

Рифмованные строки достаточно редки и возникали они случайно. Формальный прием, встречающийся в библейских книгах и воспринятый впоследствии литургическим стихосложением (*пюти*), – акrostих (когда каждая строка/стих начинается со следующей буквы алфавита от *алеф* до *тав* в прямом или обратном порядке), присутствует в Псалмах, Притчах и Эйха. Подобный прием уже является серьезным препятствием на пути переводчика, стремящегося соблюсти формальную сторону перевода, поскольку такие буквы, как *э*, *ю*, *ы*, *щ* и некоторые другие мало частотны в русском языке и будут ограничивать лексические возможности переводчика, независимо от его одаренности и профессионализма. В целом, при переводе на русский язык библейских текстов или произведений, стилизованных под библейскую поэзию, необходимо ориентироваться на Синодальный перевод Библии, поскольку образная база закреплена многовековой традицией, и инновации в этой области едва ли послужат повышению качества перевода и облегчат его восприятие читателем.

Первые значительные изменения в ивритской поэзии связаны с именем Дунаша Бен Лабрата (прибл. 920–990), родившегося в Багдаде, выросшего в Северной Африке и воспитанного на

арабской поэзии, – живя в Кордове, Бен Лабрат широко использовал арабскую метрику в своих произведениях. Впервые поэзия на иврите обретает четкие формы (*meroobah, takkamah*) и размер. Вскоре арабские принципы стихосложения занимают главенствующее положение в ивритской поэзии. Выдающиеся поэты Золотого века (X - XII вв.) – Йегуда ха-Леви, Шломо ибн Габироль, Моше ибн Эзра, Авраам ибн Эзра и другие – пишут арабскими размерами, а поскольку авторитет и влияние испанской общины были велики, эта тенденция распространяется далее, в Италию, Прованс, Германию, Францию. Даже еврей-йемениты, жившие на Аравийском полуострове, восприняли арабскую метрику, зародившуюся в культуре их страны, посредством ивритской поэзии, рожденной в Испании. Арабские размеры основывались на чередовании долгих и кратких слогов, где долгим считался слог, содержащий гласный звук, а кратким – *шва*. В это же время в ивритскую поэзию широко проникает рифма. Таким образом, для перевода средневековой поэзии Золотого века, переводчику будет необходимо исследовать переводы арабской поэзии данной эпохи и следовать правилам перевода классической арабской поэзии.

Что же касается образов и тематики, то среди стихотворений можно встретить как продолжение традиций *пайтаним*, т.е. стихотворения литургической и элегической направленности, так и явно светскую поэзию, воспевающую любовь (нередко, в подражание арабским образцам, однополую), вино и некоторые другие "вольные" темы, нехарактерные для еврейской культуры. По примеру арабских поэтов, воспевавших испанские города, еврейские авторы воспевают Сион. У многих из них любовная лирика воспринимается через призму религиозно-патриотического пафоса и имеет своим адресатом также Всевышнего. Итак, в том, что касается лексической и образной базы, мы снова можем рекомендовать арабскую поэзию в переводах на русский язык в качестве ориентира со сложившейся переводческой традицией.

После христианского завоевания Испании образуется несколько центров еврейской культуры: Италия эпохи Возрождения, Прованс и город Цфат в Палестине. Пожалуй, самым известным и противоречивым поэтом этого периода следует считать Иммануила Римского (1270–1330), писавшего *маккамы* в продолжение традиций Золотого века. Поэзия Римского, благодаря откровенно эротическим

интерпретациям библейских сюжетов, удостоилась порицания и запрета. Однако его заслуга состоит не столько в развитии светской поэзии по тематике, сколько во введении в ивритскую поэзию формы сонета. В связи с итальянским периодом развития стихосложения на иврите следует упомянуть и Моше ди Риети, подражавшего Данте и писавшего терцетами, Азарию де Росси из Мантуи и Лео да Модена, сочинявших пасторали. Наиболее поздний поэт – Моше Хаим Луццато, внедривший в литературу на иврите понятие мистико-аллегорической драмы – впервые использует в своей поэзии, воспевавшей природу, любовь и дружбу, элементы новаторства, нехарактерного для ивритской поэзии ранее. Начиная с итальянского периода, поэзия на иврите все более и более сближается по форме и по содержанию с европейской, что значительно облегчает работу переводчику в сохранении формальной стороны, а читателю, воспитанному в духе классической европейской поэзии, упрощает ее восприятие.

Конец XVIII века стал переломным моментом в истории еврейской культуры. С началом эпохи Просвещения (*Гаскалы*) еврейская культура в целом, и литература в частности, подвергаются значительному влиянию европейской культуры. Еврейские литераторы открывают для себя мир светской европейской литературы, и это не могло не отразиться на ивритской поэзии. Сам иврит по мере развития сионистской идеи обретает второе дыхание, постепенно становясь все более светским, обогащаясь авторскими неологизмами. Издаются журналы и сборники поэзии и прозы на иврите, так, Шмуэль Давид Луццато публикует два сборника стихов на иврите, Йегуда Лейб Гордон пишет сатирические стихотворения и поэмы. Именно в эту эпоху происходит очередное кардинальное изменение: поэт Мордехай Манне впервые вводит в ивритское стихосложение силлабо-тонические метры, заимствованные из русской и германской поэзии, поскольку именно эти страны являлись центрами Просвещения и еврейской культуры.

В этой связи для переводчика, впервые сталкивающегося с поэзией обозреваемого периода, возникает определенная сложность: господствующей фонетической нормой европейского еврейства являлась ашкеназийская, отличающаяся от принятой в современном иврите сефардской ударениями и произношением отдельных фонем. Это важно иметь в виду для правильного понимания размера стихотворений, созданных в период до укоренения сефардской фонетической нормы.

В 1892 году стихотворением "К птице" о себе заявляет молодой Хаим Нахман Бялик, ставший впоследствии "национальным поэтом", классиком новой литературы на иврите. В одном ряду с ним принято упоминать Залмана Шнеура и Саула Черниховского. В их стихотворениях находят отражение материальная обездоленность, угнетенное положение евреев в изгнании, любовь к Палестине (Эрец-Исраэль), эти поэты – поэты диаспоры.

Первые волны иммиграции евреев в Палестину, начавшиеся в конце XIX века, положили начало непосредственно ивритской поэзии, тогда еще палестинской. Ее создавали Авраам Шлёнский, Ури Цви Гринберг, Натан Альтерман, Леа Гольдберг, Йонатан Ратош, Авот Йешурун, Рахель и некоторые другие. Отказавшись от наследия *галуты* и ашкеназийской силлабо-тонической традиции, они создают новый поэтический стиль, испытывающий сильное влияние, прежде всего, русской поэзии Серебряного века (символизм, футуризм) и немецкого экспрессионизма. Их стихи полны духом сионизма, идеей созидания и единства народа, хотя у некоторых поэтов начинают появляться глубоко личные, рефлексивные мотивы. Для переводчика стихотворений этого периода важно знание поэтических приемов русских поэтов Серебряного века для точного воссоздания символики и образного ряда ивритских поэтов. Не случайно, одними из лучших переводов на русский язык считаются переводы, выполненные Вл. Ходасевичем.

После создания Государства Израиль в середине XX века складывается новая группа поэтов со своими идеалами и приоритетами. Эти литераторы уже не рассматривают поэзию как политический инструмент, их стихи обращены к внутреннему миру отдельного человека, его переживаниям, быту. Связано это с тем, что молодые израильские поэты уже не говорят по-русски, и их культурное наследие не восходит к Серебряному веку. Теперь в ивритской поэзии господствуют англо-американский свободный стих и французский экзистенциализм. Это Натан Зах, Йегуда Амихай, Моше Дор, Арье Сиван, Давид Авидан, Дан Пагис, Далия Равикович, Натан Йонатан и многие другие. Разговорный язык, который впервые острожно был введен Рахелью в свои стихи, становится неотъемлемой частью современной ивритской поэзии, однако при этом сохраняются также и многовековые традиции в виде библейских и талмудических аллюзий, использование высокого поэтического языка. Это де-

лает перевод стихотворений, с одной стороны, интересным, с другой стороны, – весьма непростым занятием, поскольку высокий стиль заставляет переводчика обращаться к русскому поэтическому наследию, а пронзительность обыденного языка моментально понижает тональность. Немаловажным является при переводе постулат, приведенный нами в самом начале: сохранение ритма; при этом свободный стих требует сохранения ритма ничуть не меньше, нежели строгая форма, поскольку в данном случае ритм – не только и не столько традиция, сколько важный прием для создания особой атмосферы стиха, эмфазы идей автора. Переводя, например, стихи Й. Амихая, ни в коем случае нельзя "облагораживать" его язык, несмотря на то, что порою он бывает весьма резким, нельзя поддаваться желанию сгладить острые углы ритма. Пример:

Вначале тело	Ha-guf hu ha-siba le-	Тело –
вызовет любовь	ahava	причина любви
Вначале тело	Ha-guf hu ha-siba le-ahava	Тело –
вызовет любовь,		причина любви,
Потом хранит оно ее	Ahar-kakh hu ha-mivtzar	а потом
и защищает,	ha-shomer aleha	крепость любви,
Пока, в конце концов,	Ahar-kakh hu ha-kele shel	а потом –
тюрьмой	ha-ahava	тюрьма любви,
не станет ей.		
Но стоит только	Aval kshe-ha-guf met,	но когда
телу умереть,		человек умирает,
Любовь выходит	ha-ahava yotzet hofshit	любовь выходит
из него, свободно,	mitokho	из него, на свободу,
Да так обильно,	u-ve-shefa gadol,	и как много ее,
Как будто бы	kemo mkhonit mazal she-	словно сломалась
игральный автомат	nishbera	машина удачи,
сломался		
И разом выливает	u-ve-vat ahat shofekhet	и враз посыпались
из себя	mitokha	из нее,
С ворчливым звоном	be-tziltzul roem et kol ha-	звеня, все монеты
все монеты	matbeot	
Всех будущих	shel kol dorot ha-mazal.	всех поколений
разов удачи.		счастья.
<i>Перевод –</i>		<i>Перевод –</i>
<i>Илья Шпирко.</i>		<i>Александр Воловик</i>
		[1]

Поэты 80-90-х годов XX века, лучшими из которых, по нашему мнению, являются Йона Волах, Меир Везильтир и Яир Горовиц, продолжают традиции авангарда и сюрреализма, возникшие в литературе в конце 70-х годов прошлого века. Ивритская литература переживает кризис, связанный с резким уменьшением количества читателей, тем не менее, она жива и продолжает развиваться вместе с современной мировой литературой, хотя сейчас не лучший период в ее долгой истории.

Завершая краткие рассуждения о развитии поэзии на иврите и разных подходах к ее переводу, отметим, что невозможно упомянуть всех поэтов и рассмотреть особенности каждого при переводе. Существует утверждение, что поэзию должен переводить человек, сам являющийся поэтом, хотя бы в душе. Еще одна заповедь переводчика – переводить того, кто тебе близок. Современная ивритская поэзия представляет на сегодняшний день весь спектр стилей и течений, известных современной мировой литературе, поэтому каждый переводчик может выбрать любого близкого автора. В подтверждение вышесказанного приведем еще один пример перевода стихотворения Й. Амихая, заставившего автора этой статьи в очередной раз восхититься поэтом, написавшем следующие строки:

Пес после любви

Как оставила ты меня,
Скомандовал псу я взять след,
 дав обнюхать
Свою грудь и живот.
Пусть наполнит свой нос
И пойдет искать тебя.
Надеюсь, найдет
 и мошонку порвет
Милому твоему,
 отгрызет его член,
Иль хотя бы пускай
Чулок твой принесет
он мне в зубах.

Kelev aharei-ha-ahava

Aharei-she-azavt oti
Natatti le-khelev gishush lehariah
Be-hazi u-ve-vitni.
Yemalle nehiraw
We-yetze limtzo otakh.
Ani mekawwe she-yimtza we-yikra
Et eshkhei-meahavekh
we-yikhrot shofkhato
O le-khol ha-pahot
Yavi li gerev shelakh beyn shinnaw
[3].

(Перевод мой. – И. Ш.)

Библиография

1. *Амихай Й.* Бог милосерден к маленьким детям. – Иерусалим-Тель-Авив, 1990.
2. *Гумилев Н.* Переводы стихотворные. // Принципы художественного перевода. Статьи Ф. Батюшкова, К. Чуковского, Н. Гумилева. – Петербург, 1920.
3. *Amichai Y.* Shirei ahava. – Tel-Aviv, 1981.
4. *Frank B.* Modern Hebrew Poetry. – University of Iowa Press, 1980.
5. *Patterson, David.* Hebrew Literature: The Art of the Translator. – London, 1968.
6. *Savory, Theodore.* The Art of Translation. – London, 1957.
7. Краткая еврейская энциклопедия (Гл. редакторы Орен И., Занд М.). – Иерусалим, 1976.
8. Encyclopedia Judaica. – CD-ROM.
9. Материалы из сети Интернет.

Об авторах

Бакулина Наталия Валериевна, научный сотрудник института педагогики АПН Украины, Киев.

Баркусская Ирина Рафаэлевна, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова, Москва.

Вязигина Ксения Александровна, учитель иврита в средней общеобразовательной школе № 1311 г. Москвы.

Гамеир Иггаль (יגאל המאיר) – представитель Министерства образования Израиля по вопросам образования в школе "Шорашим", С.-Петербург.

Дубнова Керен (קרן דובנוב), ученый секретарь Академии языка иврит, Иерусалим.

Едовицкий Михаэль (ד"ר מיכאל ידוביצקי), Ph.D., заместитель директора бюро СНГ департамента образования Еврейского Агентства для Израиля, Иерусалим.

Збарская Раиса Семеновна, учитель иврита в средней общеобразовательной школе № 1621 г. Москвы.

Зыскин Игорь Владимирович, ст. преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Колода Светлана Александровна, преподаватель иврита Горловского педагогического университета, г. Горловка Донецкой области.

Крюков Александр Александрович, к. и. н., доцент ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и ГКА им. Маймонида, зав. кафедрой иврита Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова, Москва.

Лерер Илья Изевич, учитель иврита в средней общеобразовательной школе № 1299 (союза ОРТ) г. Москвы, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Высшей гуманитарной

школы им. С. Дубнова; лауреат Всероссийского открытого конкурса "Педагогические инновации – 2004", Москва.

Марьянчик Евгений Борисович, к. т. н., профессор, зав. кафедрой иврита ГКА им. Маймонида; зам. зав. кафедрой еврейских языков, ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.

Свет Марианна Викторовна преподаватель ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.

Тафрова Ольга Владимировна, преподаватель иврита ульпана Еврейского Агентства для Израиля в г. Донецке; студентка ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.

Токаренко Татьяна Александровна, преподаватель иврита Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова, г. Климовск Московской области.

Френкель Лия Менделевна, преподаватель иврита института изучения иудаизма в СНГ, Москва.

Шпекторова Наталия Ивановна, аспирант ГКА им. Маймонида; преподаватель иврита ГКА им. Маймонида и Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова, Москва.

Шпирко Илья Николаевич, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Международного института XXI века, Москва.